

I. ЛЮБОВЬ

1 Георги Мирчев Маринов закрывает лицо правой рукой, а левой стряхивает пепел с сигареты на землю, которая в селе Дряновец имеет насыщенный коричневый цвет, переходящий местами в красный. Мы сидим перед серым оштукатуренным домом. Маринову слегка за семьдесят, но его еще не пригнуло к земле, хотя в Дряновце, деревушке на севере Болгарии, населенной в основном цыганами, редко какой мужчина доживает до этих лет.

Впрочем, с женщинами дело обстоит не лучше. На калитке дома Маринова висит свежий некролог с фотографией женщины чуть младше его самого. Это жена. Она умерла в прошлом году.

Если войти в калитку, миновать телегу, мула и груду разного хлама, попадаешь на утоптанную глиняную площадку. Посередине торчит вбитый в землю кол. Возле него почти двадцать зим провела медведица Веля.

— Я любил ее как родную дочь, — говорит Мирчев, и воспоминания на мгновение переносят его в те утренние часы на черноморском побережье, когда он и Веля, поддерживая друг друга, смотрели на море, а затем перекусывали хлебом и отправлялись работать, шагая по начинавшему раскаляться асфальту. Эти воспоминания согревают его сердце, словно лучи того самого солнца, и он забывает о сигарете, пока ого-

нек не подбирается к кончикам пальцев. Тогда он бросает окурок на коричнево-красную землю и возвращается в село Дряновец, в серый оштукатуренный дом с некрологом на калитке.

— Бог свидетель, я любил ее, как человека, — говорит он и качает головой. — Я любил ее, как члена семьи. Хлеба у нее всегда было вдоволь. Лучший алкоголь. Клубника. Шоколад. Батончики. Да кабы я мог, я б ее на спине носил. Так что если ты говоришь, что я ее бил, что ей со мной плохо было, то ты лжешь.

2 Веля появилась в доме Мирчевых в начале безрадостных девяностых, когда рухнул коммунизм, а вслед за ним колхозы, а точнее ТКЗС — *трудово-кооперативно земеделско стопанство*.

— Я был трактористом в ТКЗС в Дряновце, ездил на тракторе “Беларусь” и очень любил свою работу, — говорит Мирчев. — Будь моя воля, всю жизнь бы в колхозе работал. Люди хорошие. Работа порой тяжелая, зато на свежем воздухе. Нам всего хватало.

Но в 1991 году ТКЗС начало увольнять людей. Директор вызвал Мирчева и сказал, что при капитализме тракторист должен не только на тракторе ездить, но и с коровами помогать, и с посевом, и с жатвой. Георги и так не раз выручал других работников колхоза и проблемы в этом не видел. А директор ответил, что все понимает, но двенадцать трактористов (столько их в ту пору было в ТКЗС в Дряновце), пусть даже таких многостаночников, как Георги, при капитализме прокормить не сможет. Максимум трех. И Мирчева сократили.

— Мне выплатили зарплату за три месяца вперед, и до свидания, — вспоминает он. А потом добавляет: — Как от меня выйдешь, пройдешь немного вправо и поднимешься на горку, там увидишь, что от нашего колхоза осталось. Это был крепкий колхоз, триста коров, несколько сотен гектаров, отличное руководство! Трудились в колхозе в основном цыгане,

потому что болгары такой работой брезговали. Теперь все развалилось, цыгане, вместо того чтобы работать, сидят без дела. А молоко в магазине в Разграде продают немецкое. Немцам, видать, крупные фермерские хозяйства выгодны, а болгарам — нет.

В 1991 году Мирчеву пришлось задать себе главный вопрос, который задает себе каждый, кого уволили с работы: “Что еще я умею делать?”

— В моем случае ответ был прост, — говорит он. — Я умел обучать медведей танцам.

Медведчиками были его отец и дед, а брат Стефан водил медведей с тех пор, как окончил школу.

— Из близких родственников только я пошел в колхоз, — рассказывает Мирчев. — Хотел попробовать другой жизни, потому что жизнь с медведями я уже знал. Многие медведчики, как и я, устроились в колхоз. Но вырос-то я с мечками. Я знал все песенки, все трюки, все истории. Двух медведей отца я своими руками выкормил из бутылочки с соской. Когда у меня родился сын, они вместе росли. Бывало, что я все путал, и малой пил из бутылочки медведя, а медведь из его. Так что когда меня уволили из колхоза, я знал одно: если я хочу жить дальше, то должен как можно скорее найти медведя. Без медведя я не протяну и года.

Как я его нашел? Обожди, сейчас еще одну закурю и все тебе расскажу.

З За медведем я поехал в заповедник Кормисож. Это известные охотничьи угодья. Говорят, Брежnev списал нашим коммунистам долгов на миллиард левов, только чтобы они брали его туда поохотиться. Так мне рассказывал один мужик, который в Кормисоже сорок лет проработал, но правда ли это — не знаю.

Сначала пришлось мне поехать в Софию, в министерство, отвечающее за леса, поскольку там служил мой школьный товарищ. Благодаря ему я получил талон на медведя,

действительный в Кормисоже, и прямиком из Софии отправился в заповедник. Там обо мне были наслышаны, потому что мой брат Стефан уже приезжал к ним с другими медведчиками, а он в те годы был настоящей звездой. Выступал в очень дорогом ресторане на Черном море, где бывали даже члены руководства компартии. Брата несколько раз по телевизору показывали. По всей Болгарии его узнавали.

Стефану медведь достался из зоопарка в Софии. Однажды пьяный солдат ворвался в медвежий вольер, а у самки как раз детеныши были, она бросилась на солдата и убила его на месте. Медведицу пришлось усыпить: так всегда поступают в зоопарках, если животное убьет человека. Стефан откуда-то об этом прослышил, поехал туда и купил одного из медвежат.

В ресторане первыми выступали танцовщицы на углях, а затем он. Сначала Стефан боролся с медведем, а в конце медведь массировал спину директору ресторана.

Потом к брату выстраивалась длинная очередь из желающих, чтобы медведь их тоже помассировал. Стефан зарабатывал немалые деньги. Приходилось, конечно, делиться с директором, но хватало обоим.

Так вот, отправился я в Кормисож, лесник передал брату привет, а потом привели малышку. Ей было несколько месяцев. Идеальный возраст: детеныши еще не слишком привязаны к матери, еще можно поменять им наставника, и они не станут капризничать. Если забрать от матери медвежонка постарше, он может заморить себя голодом.

Малышка смотрит на меня. Я смотрю на нее. Думаю: “Подойдет или не подойдет?” Присел на корточки. Протянул руку. Зову:

— Ну, иди сюда, маленькая, иди.

Она не шелохнется. Только смотрит на меня, а глаза как два уголька.

Ты бы в эти глаза влюбился, точно тебе говорю.

Я достал из кармана хлеб, положил в клетку и жду, войдет или не войдет. Она опять на меня уставилась. Минуту со-

мневалась, но вошла. Я подумал: “Вот теперь ты моя. И в горе, и в радости”. Уж я-то знал, что медведь с человеком и тридцать лет прожить может. А это, считай, половина жизни!

Я выложил за нее три с половиной тысячи левов, но не пожалел ни об одной стотинке. Она мне сразу запала в сердце.

Эти деньги мне колхоз при увольнении выплатил, еще немного пришлось одолжить. В те годы примерно за четыре тысячи можно было купить “москвич”.

Но на “москвич” денег мне уже не хватило. Часть пути я ехал с малышкой на автобусе, и мне уже тогда было приятно, потому что все дети интересовались моим медведем и хотели его погладить. Я решил, что это хороший знак: значит, мне и правда замечательное животное попалось, дружелюбное, вызывающее симпатию. И уже тогда я подумал: “Звать тебя будут Валентина. Ты красивая медведица, а это красивое имя, для тебя в самый раз”.

Так ее и назвали. Валентина, сокращенно Веля.

Потом нам пришлось пересесть с автобуса на поезд, и Веля ехала в багажном отделении. Кондуктор за нее билета не требовал, попросил только разрешения ее погладить. Ясное дело, я разрешил. Правда, за билет все равно заплатил. Так уж я привык: раз положено, значит, надо заплатить, и все тут. Я всегда покупал Веле билет как взрослому человеку, без всяких там скидок за погладить. Только однажды кондуктор уперся. Сказал, что кто-то из его близких родственников попал в больницу, а медведь, мол, добрый знак, счастливый для того человека. Я видел, что ему это важно, и в тот единственный раз за билет платить не стал.

4 Главной моей заботой была жена. Ведь в Кормисож я поехал втайне от нее. И когда я появился в дверях с медведем, жена как с цепи сорвалась.

— Да у тебя мозгов нет! Как мы жить-то будем?! — орала она и бросалась на меня с кулаками. Я уступил, вышел.

С женой я всегда старался жить в мире и, честно скажу, нервничал, что она так кричит, но в общем-то я мог ее понять. Жизнь у медведчика не из легких. Ну да, можно заработать. Видишь этот дом? Спасибо за него нашей Валентине. В хороший день на море я зарабатывал больше, чем за месяц в колхозе.

Но за все приходится платить. Нужно постоянно следить, чтобы медведь не одичал и не причинил никому вреда: Веля прожила с нами двадцать лет, но ни на секунду нельзя было терять бдительности. Невозможно угадать, когда в твоем медведе проснется инстинкт. У одного знакомого из соседнего села, Ивана Митева, медведица прожила пятнадцать лет. Он купил ее в цирке, казалось, уж с ней-то можно жить спокойно: ее мать и бабка свободы не знали, инстинкты должны были притупиться. Но однажды Иван плохо ее привязал, медведица сорвалась, убила трех кур и съела. Как ей это удалось — не знаю. У нашей Вели куры под носом шастали, но ей такое и в голову не приходило. Но случилось, что случилось. В медведице проснулся инстинкт, и она начала бросаться на хозяина, на его жену, на детей. Пыталась их покусать. А вот это уже серьезная проблема. К сожалению, медведю чувство благодарности неведомо, он не будет вспоминать, что ты пятнадцать лет кормил его кукурузой и картошкой. Одичает — начнет кусаться.

К тому же люди к медведчикам относятся не лучшим образом. Нас не уважают. Мне это долго не давало покоя, и я никогда не выступал с Велей ни здесь, в Дряновце, ни в соседних деревнях. Только добравшись до Шумена — а это шестьдесят километров отсюда — доставал *гадулку* и приступал к работе.

Короче, когда я привез домой медвежонка, моя жена прекрасно поняла, чем все это кончится. Женщины очень умные, и, увидев это маленькое лохматое существо, она уже видела и смеющихся людей, и ночи под проливным дождем, и хождение от дома к дому в надежде на пару стотинок.

Но и я знал свою жену, светлая ей память. И знал, что нужно только переждать этот ее приступ злости, и она полюбит медведя, как родного ребенка.

И я не ошибся. В первую же зиму жена сама потоптливалась меня соорудить Веле навес, чтобы та не мерзла. А в дождь бежала с зонтиком к дереву, под которым сидела прикованная Веля, чтобы ее мишка не промок. Да будь ее воля, она бы ее дома держала, как в городе — собак.

5 Когда я привез сюда медвежонка, пристал ко мне один майор милиции. А может, была уже полиция? Не помню, все менялось так быстро, что за переменами было не успеть. Он пронюхал, что у меня медвежонок, явился и говорит: “Гражданин Мирчев, мне стало известно, что у вас есть медведь. Даю вам семь дней на то, чтобы от него избавиться”.

Я пытаюсь спорить, мол, товарищ майор, да как же так, ведь я его законно приобрел. Вот у меня справка о покупке из парка Кормисож. И вообще, раз меня из-за этой вашей трансформации работы лишили, дайте хоть чем-то другим заняться!

Но майор и слышать ничего не желал: “Семь дней. И я, гражданин Мирчев, не хочу повторять дважды”.

Странно он себя вел, ведь в ту пору в нашей деревне шесть других медведей было, в том числе у моего брата Стефана. Почему тот майор именно ко мне прицепился? Не знаю. Может, достали его эти медведи? А может, он взятку хотел? Только не дождался. Я все сделал по закону, так что давать ему на лапу повода не было. Я поехал в Шумен, в представительство министерства культуры, и попросил их за мой счет позвонить в Софию, чтобы там подтвердили: все необходимые документы у меня есть. В секрете медведя держать было нельзя. Его должен был осмотреть ветеринар, а министерство культуры должно было подтвердить, что моя программа обладает высокой художественной ценностью.